

Мария Геррер

**МОЙ ЗЛОЙ И НЕЖНЫЙ
СЕРЫЙ ВОЛК**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Г39

Геррер М.

Г39

Мой злой и нежный серый волк / Мария Геррер – М.: Литнет, 2025. – 256 с.

ISBN 978-5-521-93222-1

Не повезло в реальной жизни? Зато повезло угодить в тело молодой княжны в сказочном мире. Или не повезло? Мачеха пытается отобрать наследство, сводная сестра строит козни, царь по политическим соображениям планирует выдать замуж за иноземного Дракона, а меня угораздило влюбиться в боярина-оборотня - Серого Волка. Ничего, разберусь!

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-93222-1

© Литнет, 2025
© М. Геррер, 2025

Оглавление

Глава 1.....	5
Глава 2.....	10
Глава 3.....	19
Глава 4.....	24
Глава 5.....	30
Глава 6.....	36
Глава 7.....	43
Глава 8.....	47
Глава 9.....	53
Глава 10.....	59
Глава 11.....	65
Глава 12.....	71
Глава 13.....	75
Глава 14.....	80
Глава 15.....	86
Глава 16.....	91
Глава 17.....	96
Глава 18.....	101
Глава 19.....	107
Глава 20.....	113
Глава 21.....	117
Глава 22.....	123
Глава 23.....	129
Глава 24.....	135
Глава 25.....	140
Глава 26.....	145
Глава 27.....	149
Глава 28.....	154
Глава 29.....	160
Глава 30.....	165

Глава 31	168
Глава 32	173
Глава 33	179
Глава 34	183
Глава 35	188
Глава 36	193
Глава 37	196
Глава 38	200
Глава 39	204
Глава 40	209
Глава 41	213
Глава 42	217
Глава 43	221
Глава 44	226
Глава 45	230
Глава 46	234
Глава 47	238
Глава 48	243
Глава 49	247
Эпилог	252

Глава 1

Через полгода после смерти матери – холодной и властной женщины – я поняла, что где-то в своей жизни свернула не туда. Нотариус, оглашавший завещание твердо сказал:

– Мария Семенова единственная наследница всего движимого и недвижимого имущества.

– Но как же так?! – я непонимающе уставилась на старшую сестру.

Она такая же строгая и сдержанная как мать сидела напротив меня в офисе нотариуса и прохладно улыбалась. Новость, так ошарашившая меня, для нее явно не была сюрпризом – это было видно по изгибу ее тонких губ, по победному блеску в серых глазах.

– Но... как же так? – продолжала лепетать я. – Ты же на похоронах говорила, что ни на что не претендуешь. И мама... обещала, что мы поделим квартиру поровну. Может быть, в завещании какая-то ошибка?

Даже не взглянув в бумаги, нотариус покачал головой.

– Один наследник. Вернее, наследница всего имущества – квартира десять по адресу Московская двадцать три, дача в поселке Ромашкино...

Его слова доносились до меня будто через толщу воды. Я часто заморгала, от шока и от желания прогнать не к месту подступившие слезы. В глазах щипало и к горлу подкатил болезненный ком, который никак не удавалось сглотнуть. Пришлось поднять голову повыше, чтобы слезы не покатались по щекам. Сантименты сейчас не к месту. И не ко времени.

Я уже достаточно взрослая женщина, чтобы не плакать на людях от обиды на маму. Уже давно стоило принять, что я – не ее любимая дочь. Это всего лишь очередное тому подтверждение. Жаль, я все поняла слишком поздно.

Последние восемь лет я жила с мамой, выполняла все ее капризы, верила в ее тяжелые, неизлечимые болезни, которых, как мне потом сказали врачи, никогда и не было.

Моя мать, совсем еще не старая женщина, умерла вовсе не от тяжелых болезней, а по вине пьяного водителя. Помню, как я бежала домой из больницы, куда ее привезли после ДТП, как собирала лекарства, прием которых ей никак нельзя было пропускать. Оказалось, это по большей части была гомеопатия.

Когда же я, случайно встретив маминого кардиолога, спросила, от чего мы так старательно лечили маму последние годы, тот лишь пожал плечами и сказал, что моя мать приходила чтобы «померить давление». День через день. В течении долгих лет.

А я-то, наивная душа, брала отгулы, провожала ее до поликлиники и обратно, оплачивала санатории и приемы в частных клиниках, но ни разу не догадалась зайти с мамой в кабинет и послушать указания специалиста. Ну разве можно контролировать человека, находящегося в здравом уме и твердой памяти?!

И вот мне тридцать восемь, у меня ни мужа, ни детей, ни личной жизни. Я считала, мне хотя бы есть где жить, мечтала, что когда-нибудь сдам квартиру, возьму ипотеку и куплю маленький домик на окраине, буду там сажать гладиолусы, заведу котов и... может быть возьму приемного ребенка, если это позволят сделать одинокой женщине.

Теперь я не просто одинокая, но еще и бездомная – никакого другого жилья, кроме квартиры в которой мы жили с мамой, у меня никогда не было. Я хотела взять ипотеку, но мама, услышав, об этом, слегла с сердцем. Мои сбережения на первоначальный взнос ушли на ее обследования в частной клинике.

Из воспоминаний я вынырнула обратно в унылый офис нотариуса. За окном виднелось серое ноябрьское небо. Я повернулась к сестре:

– Маша, наверное, мама ошиблась. Ты же помнишь, что она говорила? Я живу с ней, помогаю ей по хозяйству и со здоровьем, а она за это...

– Завещание есть завещание, – сестра перебила меня, встала

с кресла давая понять, что обсуждать нам больше нечего. – Я буду готовить квартиру к продаже. Собери свои вещи на этой неделе.

Она шагнула к двери.

– Маша! – я вскочила следом за ней. – Подожди, ты серьезно? Куда же я пойду?

Сестра остановилась в коридоре и пожала плечами. Сейчас она казалась мне незнакомой – высокая, холодная блондинка без единой морщины на лице, несмотря на разницу в возрасте – она была на десять лет меня старше. Любимая дочь. Мама оплатила ей учебу в столице, там же сестра и осела много лет назад, удачно вышла замуж, еще более удачно развелась и счастливо жила на алименты. Мне же с моими способностями, как говорила мама, рыпаться без толку, так что я осталась в родной провинции, поступила на строительный факультет Политеха и с сестрой виделась раз в несколько лет.

– Ну ты же не бездельничала все это время, – напомнила мне Маша. – Ты же вроде бы работала. И не где-нибудь – в солидной проектной фирме. Зарплатны не хватает – бери частные заказы, сними квартиру. Чай, не маленькая, чтобы я тебя учила. Пора уже взрослеть, Дашуня. Мама больше не будет тебе сопلي вытирать.

Она снова холодно улыбнулась. А я продолжала глупо хлопать глазами, не веря в происходящее. Мама, за которой я одна, без сестры и без материальной помощи с ее стороны ухаживала столько лет, не оставила мне ни доли в нашей трехкомнатной квартире, ни маленькой однушки, оставшейся от бабушки, ни дачи. Даже денег на счетах не было, а ведь пенсию мама почти не тратила, выдавала в месяц пять тысяч на еду. Она все никак не хотела верить, что продукты за последние годы подорожали и на сто рублей нельзя купить весь магазин, как было в ее юности.

После смерти мамы я думала, что она, наверное, связалась с мошенниками и перевела деньги им – ну куда еще могли подеваться сотни тысяч? Пенсия у мамы была хорошая, а траты почти

все лежали на мне... но вот сегодня вместе с оглашением завещания я узнала и другое.

«Она присылала деньги внукам, – сказала сестра, – Они будут скучать по бабушке». Сильное заявление, учитывая, что сестра своих детей маме показывала исключительно по вотсапу в виде фотографий с какого-нибудь очередного Бали.

С меня упали розовые очки и со звоном разбились о действительность.

– Дай мне хотя бы месяц, – холоду в своем голосе я и сама удивилась. – Я хочу спокойно собрать вещи и выбрать жилье.

– Ладно, так и быть, – с одолжением ответила мне сестра и развернувшись, бросила. – Ну все, пока, я побежала, меня Костенька ждет. Сегодня идем в ресторан с его родственниками, я уже опаздываю на укладку.

Ее стройная фигура исчезла в конце коридора, а я так и стояла не шелохнувшись, будто заледенев.

Казалось, сегодня оглашали мое завещание. Я вдруг поняла, что фактически и не жила, так – существовала. И вот даже мое безрадостное существование закончилось, можно копать могилу и ставить памятник. Эпитафией написать что-то вроде: «Здесь покоится наивная дура. Она верила всем, и вот, чем это обернулось».

Как жить дальше? Семьи нет. Друзей нет. Квартиры нет. Сбережений нет. Тридцать восемь лет я была хорошей дочерью и вот сегодня получила свою награду за преданность и глупость.

В голове мелькнула мысль, что завещание можно оспорить, что есть суд и можно попытаться восстановить справедливость, но почему-то эта мысль меня совсем не тронула. Мне вдруг стало противно от сестры, что клялась: «я все оставлю тебе, только за мамой ухаживай», от матери, что вечно прикидывалась больной, а ее, по словам врача, с таким сердцем можно было запускать в космос, и от самой себя. Квартира, раньше бывшая мне домом, сейчас вызывала отторжение. Мне не хотелось туда возвращаться.

Я побрела по коридору, дошла до лифтов и бездумно нажала на кнопку. Над дверями горела цифра восемь, но лифт почему-то не спешил подниматься за мной. Постояв пять минут, я поплелась к лестницам. Выходить на них нужно было через балкон и там я остановилась, вдохнуть воздуха и полюбоваться на город с высоты.

Наша провинция, хоть ее и называли глушью, мне нравилась. Особенно Волга. Здание располагалось на набережной, почти нависая над великой рекой, от кромки воды ее отделял узкий тротуар.

Река занимала весь горизонт от края до края – невероятно широкая, красивая и спокойная.

Я оперлась о перила, вдохнула прохладный вечерний воздух, надеясь, что он приведет голову в порядок. Перила зашатались, я взмахнула руками, в тщетной попытке удержать равновесие – без толку.

В ушах засвистел ветер, мимо пронеслись серые стены здания и немытые окна. Я успела подумать – вот и конец Даши Семеновой. Интересно, даст ли сестра денег на похороны или опять, как с матерью, все придется оплачивать мне? Хотя теперь я уже ничего не буду оплачивать. Теперь это не мои проблемы.

В следующий миг я ударилась о воду и все вокруг потонуло в зеленом цвете. Инстинктивно вывернувшись, стала грести вверх, на мутный свет, пробивающийся через толщу воды, и через мгновение вынырнула на поверхность, отплеываясь и фыркая. Еще не успела открыть глаза, как уже почуяла запах тины, и услышала кваканье лягушек.

До чего же странно, подумала я, утирая лицо. Ну какие лягушки в центре города в ноябре? Я открыла глаза и обомлела – ничего похожего на мегаполис вокруг не наблюдалось – я без сомнения плавала в реке, только вместо офисного здания надо мной возвышался крутой каменистый утес. У берега росли камыши. В пронзительно-голубом небе громко кричали ласточки.

Я убрала налипшие на лицо волосы и вынула из них желтую кувшинку. Мда. Это определенно глушь, но не моя. И я – не я. Соб-

ственные руки, которые я видела перед собой, совсем не напоминали мои – тоненькие, изящные пальцы, без маникюра – моей единственной радости последнего времени, зато униженные золотыми кольцами.

Что случилось?

Лежу в коме и это сны?

Галлюцинации?

На утесе зашуршали кусты. По склону вниз посыпались камни, у берега заволновались лягушки. Наверху показалась толстая тетка в малиновом сарафане и ярком двуроном головном уборе. Увидев меня, она завопила во все горло:

– На помощь! Княжна топится!

Княжна? Я оглянулась. В воде бултыхалась я одна. На берег высыпали люди, одетые в такие же странные костюмы, как и толстая тетка. На женщинах яркие сарафаны, на мужчинах вышитые рубахи и широкие штаны.

– Утопла, утопла! Сейчас утонет! – галдели они, бегая по берегу и размахивая руками. – Топится! Утопилась!!! Помогите!!!

Топится? Это они обо мне?

Да фиг вам! Может, в моей жизни и полно проблем, но это не повод топить.

Я фыркнула и широкими гребками поплыла к берегу.

Глава 2

Плавала я всегда хорошо. До берега оставалось еще порядочно, но это меня не пугало. Я смотрела на мечущихся по берегу людей и не понимала, что происходит. Судя по их чудным допотопным костюмам это или народный хор, или реконструкторы-славянисты – женщины в сарафанах, мужики в рубахах и мешковатых штанах. Отсюда было не разглядеть, но я не сомневалась, что все они обуты в лапти. Не хватало только балалаек, гармони и гуслей. Я уже